

1.

Выехали на практически пустое шоссе № 7. Этот легионер за рулем (легионер, точно, все они оттуда!) довел скорость до 90 и заодно удостоил пассажира вниманием:

— Что, сомлели?
— Почему? Нет. — Филипп сел подтверже. Сомлеть в первые же полчаса, еще по дороге — ну нет, не собирался он так их радовать.

Водитель этот (про себя Филипп обозвал его "добрым громилой") сказал:

— Рот запекся, я ж вижу. Вы расслабьтесь. А питье справа от вас.

Предлагалось, видимо, нажать серебряную кнопку, которая неспроста имеет очертания бутылочки. Почему бы и нет? Нажал — и автобар открылся, чтобы нацелить ему стакан апельсиновой газировки. Ледажной, вот главное диво, запотевший от холода! Как понять эти неправдоподобные условия доставки?

Принимая питье из кронштейна-подстаканника, Филипп вслух ограничился кратким "благодарю", а все-таки добрый громила видел, мог видеть невзрослое восхищение, которое светло выказалось на лице Филиппа против его воли. Невзрослое или хуже того: рабское! В следующую минуту он подумал, что с ним играют. Почему-то по правилам его профессии; или, как, сказочник? Вот и правила эти, и обстоятельства должны быть сказочными...

Он утолял жажду неспешно, смакуя. И мелькало воспоминание о том издевательстве, которое еще на той неделе называлось у него дома водой, водоснабжением: все эти месяцы текла бурья, чахлая, ржавая струйка. Часами можно было пережидать так называемый застой в трубах, надеясь, что вода очистится и наберет силу, — нет, краны сочлились все той же мутью, а лицо Линны, сестры, каменело от ненависти, а жена стучала по крашу кулаком и плакала: "Подонки, подонки!"

Покравилось, знаете, — сказал он водителю довольно развязно. И возвратил в кронштейн пустой стакан. Громила заговорил о другом:

— Зря так шумела эта женщина. Жена?
— Сестра. Я тоже считаю, что зря. Темперамент, знаете.

— И другая зря плакала. Вот она — супруга, да? Вы одеваться стали, а она — за стенкой, тихим звуком. Лишь бы сырость разводить. О чем плакать-то?

Громила считает, что за апельсиновую газировку Филипп будет обсуждать с ним своих женщин?

— Я ж понятия не имею, а приглашают. Есть разница?

Филипп рассмеялся — позволил себе это:

— Обычно, когда вас приглашают, известно, кто, и известно, куда. А главное, у вас есть право не ехать. — Зря, — подумав, опять не одобрил водитель. — Когда меня по-хорошему везут, я говорю: почему бы и нет? И еду. Из одного интереса. При чем тут права?

— Вот и я решил — исключительно из любопытства, — сказал Филипп иронически и глянул назад: мирные увещевания громилы плохо соотносились с наличием в кабине телефона и селектора за раздельным стеклом. А метрах в сорока от них появился вдруг легионер-мотоциклист. Или он с самого начала сопровождал их?

— Приглашают, говорите... Но доставочка-то полицейская?

— Э-э, вы совсем не разбираетесь. Машина из гаража президента, — устраивает?

2.

Перед Филиппом открылась дверца президентского автомобиля, и еще один громила, тоже выдрессированный в духе учтивости, провел его в командаттуру. Молча. Там двое сидели за окошечками и еще двое — по ту

За латиноамериканские имена и реалии сейчас хочется извиниться перед читателем: этим ему до чертиков надоел телевизор в своих бесконечных сериалах. Надеюсь, все же, нынешний мой читатель и тот усердный телезритель лишь случайно и редко совпадут в одном лице. И еще: напрасно кому-то кажется, что эту повесть надо переводить с эсперанто языка на русский; теперь функциональная, подцензурная надобность в иносказании, слава богу, отпадает вовсе, да вот странность: искусство продолжает к нему тяготеть.

В этом фрагменте вы успеете познакомиться с основными героями. Кто кого использует: власть художника? Или наоборот? Весь наш опыт говорит, что без отказа от собственной сущности авторого не бывает. Но я и в первом варианте верю плохо. Эти двое просто чужие — по другому мой сюжет отказывался идти, почти все сцены работали на необходимость их опровержения. А тем, кому любопытней всего покажется борьба за душу инфанти, мне обидается нечем: на этом попроще художнику не хватит сил. Разозленная этим, девочка сдает с в о е г о кумира папиным воздавав.

Георгий ПОЛОНСКИЙ.

сторону барьера — играли в нарды.

Все — в темных костюмах с одинаковыми серебряными галстуками, никогда не мнущимися, словно сделанными из листового стали. Бог с ней, с атрибутикой, главное — что все это молодые парни! Раньше Филипп думал, что молодежь предпочитает разные галстуки, что каждому парню желательны свои; так нет же, свобода выбора — обременительная вещь! Легион надежности лучше знает, какой галстук к лицу его рыцарям.

— Добро пожаловать. Удовостверение личности при вас? — спрошено было из-за окошечка.

— Вот, театрально. Только оно, к сожалению, просрочено... (Можно подумать, что он был здесь просителем, что сам домогался приема!)

— Здесь мы, кому надо, продлеваем, — заверили его с

Георгий
Полонский

Исповедь

Драматическая повесть

ленивой улыбкой. — А ваш амулет надежности? Не, снимать не надо — только предвзвешивать.

Слишком светливо — и за это злыся на себя — он развязал кашне и достал из пазухи "амулет собаки".

— П е с и к ?

— Да. Вчера только вручили, в окружном отделении

Легиона.

— Ясно. А была "ч е р е п а ш к а"?

— Нет. Хуже.

— Что, с "к о б р ы" сразу на два разряда вверх? Так

нечасто делается, поздравляю.

— Спасибо.

Этот понятный любому каливернийцу разговор нам пока придется воспринять почти как иностранный текст — в терпеливом ожидании перевода.

— А теперь придется обеспокоить вас: небольшой

личный досмотр. Такие правила.

Встали те двое, что играли в нарды, и показали, куда пройти. Через две минуты в специальной комнате Филипп стоял в носках, в брюках с висцидными наружу мешочками опустошенных карманов, один легионер развивал его авторучку (неужто допускал всерьез, что она заряжена смертоносной иглой или ядом?), другой прощупывал подкладку вельветового пиджака.

Вдумчиво смотрел на эту комедию президент с небольшого портрета. На президенте тоже был "стальной" галстук Легиона.

3.

— Так вот он какой, наш театральный волшебник, — с этими словами, с такой газированной радостью шел к Филиппу лысоватый коротенький человечек, смахивающий издала на Луи де Фюнеса. Это было в зале, где в обивке стен господствовал мельхиор. И еще бросалось в глаза множество переклассных детских игрушек. Филипп опять почувствовал: играют по правилам его профессии, пытаются, по крайней мере.

Господи, который увенчал Филиппа таким изысканным титулом, поднял с ковра резинового гнома и, помехивая им, приблизился.

— Милости просим. Я — Вич. Максимилиан Вич, имею приятное поручение занять вас до начала главной аудиенции. Прощу, — он усадил Филиппа в низкое, слитком барственное кресло, а сам остался на ногах, хотя напротив стояло такое же.

— Знаете, на сцене я ваших сказок не видел, а это, оказывается, нельзя: попадаешь в неловкое положение: одни жалеют тебя, другие стыдят. Так что пришлось срочно прочесть парочку, буквально вчера. Слов нет! Нокаутировали! Воображаю, как это было в девичком были?

— Часто был сам, да. Ревновал их, знаете, к чужой режиссуре.

— Ну да, ну да: кому же и выводить своих деток в люду, как не кровному отцу?

Слишком сладок он, этот Вич. Галстук, разумеется, тот же, а костюм светлый, в отличие от униформы тех парней. В целом облик стареющего жокея или спортивного врача.

— Это все дела давние, — бего улынулся Филипп.

— То есть? Не понял.

— Ну, не работаю я сейчас в искусстве, строго говоря.

У меня впечатление, что мои вещи как-то не ко времени. Простите, вы сказали: "до начала главной аудиенции". Это с кем же?

Вместо ответа Вич подкатил к его креслу сервировочный столик с напитками, сладостями, орешками.

— Угощайтесь. Вы разве не бывали здесь?

— Я? Здесь? Когда же? — Филипп огляделся с улыбкой, потом потерял свое ухо, потом встал, нахмурился — а этот коротенький весело следил за его замешательством, весело и зорко. — Позвольте... Ехали мы по шоссе № 7 — так? Здесь не Институт раньше был? Каливернийский филологический?

— Был, был. И вас тут, в этом Мельхиоровом зале, чествовали, помнитесь. Сам бывший вице-президент нашей — а этот коротенький весело следил за его замешательством, весело и зорко. — Позвольте... Ехали мы по шоссе № 7 — так? Здесь не Институт раньше был? Каливернийский филологический?

— Был, был. И вас тут, в этом Мельхиоровом зале, чествовали, помнитесь. Сам бывший вице-президент нашей — а этот коротенький весело следил за его замешательством, весело и зорко. — Позвольте... Ехали мы по шоссе № 7 — так? Здесь не Институт раньше был? Каливернийский филологический?

— У кого "у нас"? — спросил Филипп, напрягаясь: слова этого коротышки были, конечно, если не силками, умело расставленными, то — щупальцами.

— Ну среди интеллектуалов, скажем так. Босье об заклад, он вербовал в свою партию всех классиков, натравливал их против нас! А с кем это не выходило, тот — не классик! — Вич прыснул и заколыхался. — Что такое для политика, для демагога великий поэт? Такая вот кукла! — резиновый гном прыснул в его руке. — Оч-чень, думаю, было желательнее ему, чтобы и вы точнее определились в ваших сказочках? А? В том же смысле!

Филипп позволил себе выбраться из слишком мягкого кресла, стоя осматриваясь, трогать игрушки и молчать — благо, трудные вопросы про покойного вице-президента можно было расценить как риторические, ответа пока не требующие. Но коротышка скоро поднажал.

— Вот тут прямо-таки видно, как он вас подзуживает!

все забывает! Да не преувеличиваю я! Преуменьшаю! В общем, срочно мне Кармелу, поняли?!

Она швырнула трубку. И бассейн огласился ее воплем, обращенным к дельфину:

— Дрим, он приехал! При-е-хал! Это уже один — ноль!

5.

Вич тем временем так аттестовал гостю эту русалочку:

— Очаровательное создание, уж поверьте. Не потому я так говорю, что она дочь главы государства, единственная и обожаемая. Нет, она сама по себе личность, вы увидите. И, представьте, имеет виды на вас.

У Филиппа поднялись брови, но майор Вич не объяснил, а, наоборот, отвлекся:

— Простите. — Набрал одну цифру на телефонном диске. — Капрал, вы? Найдите горничную Кармелу: сеньориту надлежит одеть, пусть поторопится.

— Имеет на меня виды? — переспросил Филипп, когда трубка вернулась на стэнд.

— Да, вы удивитесь, возможно, захлопаете крыльями. Так вот, спокойнее. Отличительное свойство нашей любимцы — нетерпение, поэтому мой первый совет: терпимость, терпимость и еще раз терпимость. Ведите себя с ней просто, непринужденно, с юмором, а главное, бережно, заодно и себя побережете. Да, кстати: что с вашим последним детищем? Оно уже принято?

— С каким детищем?

— Ну с последней из ваших так называемых "сказок для взрослых"?

Филипп засмеялся:

— "Принято"? Куда? Кем? Кому она сейчас нужна? Я говорил уже: сейчас я вне игры. В репертуаре не осталось ни одного моего названия, подрабатываю я на почте — клею конверты.

— Да-да-да, что-то слышал. Бред! Кажется, пять пеней-олей за тысячу конвертов? Считайте, что сон это был, плохой сон, вся эта пакотня кончилась! Так что же со сказкой?

— Да ничего. Разве что товарищам, актерам я хотел прочесть ее. Это было всего неделю назад.

6.

... Неделю назад на служебном входе в театр...

Здесь некая стремительная яркая бронежка показана

Лгуны

для экрана

ла легионеру свой пропуск, не забыв улыбнуться: "Добрый день, сержант", — она прошла через турникет и задержалась у доски объявлений.

Тогда и появился Филипп. Шел он в театр в этом же вельветовом костюме. Раньше-то у него были еще два английских, один любимый твидовый. Проданы: на премьерных и в гостях теперь не надо щеголять. Ни премьер, ни дружеских приемов не бывает, а есть надо каждый день. И так, тот же костюм плюс берет и темные очки. В руке была папка.

— Вера, — окликнул он бронежку. Та взгляделась и сдавленным голосом сказала:

— Филипп? Привет.

— Привет, привет. Но ты же видела меня там, снаружи. А сделала вид...

— Я не видела! Клянусь!

— Ладно, допустим. Слушай, зачем этот дурацкий турникет? Зачем ввели пропуск нового образца? Театр у вас тут или авиационный завод?

— Спроси что-нибудь полегче. А что ты хотел?

— Ну, для начала — оказаться внутри, поцеловать твою щечку, узнать, отчего у тебя бегают глаза. А как это сделать? Сержант — он педант, а у меня устаревший, оказывается, пропуск.

— Сержант, — сказала Вера, — это наш маэстро, наш автор, он руководил этим театром лет двенадцать.

— Одиннадцать, — поправил Филипп и тронулся до плеча сержанта. — Но этого хватит, не правда ли, чтобы всего лишь зайти к старым товарищам.

Легионер сказал скукающе:

— Не надо касаться меня. Я не пропущу.

— Вы — скала, да? Утес! — Филипп рассмеялся и сильно крутанул турникет; тогда легионер пошел на него, вытесняя вон из проходной:

— Не смею ничего крутить здесь. "Руководил" он театром! И поэтому я сейчас инструкции нарушу? Бляха с "кобры" для меня орденно делается? А ну, пошел! Тогда какие только гниды ни руководили...

Вот и все. Тогда его амулетом надежности была "кобра" — а он то и дело забывал о решающем значении амулетов этих. Мог забывать, ибо редко выходил на люди. Вот Вера смотрела на эту сцену не только не потрясено, но всем видом своим

Жран и сцена

говоря: "Глупый, по-другому же и быть не могло". И еще одно поразило: лицо легионера само по себе не было ни гориллообразным, ни улюдочным — нет, такое лицо могло быть и у физика, и у юре, и у продавца в антикварной лавке, и у врача.

7.

— Я и ушел со своей папкой домой. Проходит еще день или два — и почти ночью звонок директора: просит, чтобы не позднее 10 утра я принес пьесу, он сам меня будет встречать у этого проклятого турникета! А теперь вы спрашиваете: "Уже принято"? Как это все понять?

Вич нацелил себе воды из сифона, бросил две лединки и ответил с оттенком торжественности:

— Легион надежности признал свою ошибку, так и понятно. Не за что вам больше вешать "кобру" — явный был перегиб. Теперь у вас другой амулет? — Филипп кивнул.

— И он отбрасывает совсем другой свет на вашу папочку, на все ваши дела. Ибо теперь это в общем-то знак доверия — мне поручено подчеркнуть это!

Филиппом сейчас более всего владело любопытство:

— Послушайте, майор, у меня что-то просыпается: индикатор всех этих перемен в моей жизни — она? Эта самая дочка...

Вича отвлекли звуки, уже долетавшие сюда раз-другой, а теперь усилившиеся: они походили на пружинящие глухие удары о металлическую сетку и на ответную струнную дрожь этой сетки. Вич невнятно выругался, вклеив в свое проклятое слово "цирк".

После этого он резко повернулся к Филиппу:

— Ай-яй-яй, как неаккуратн! Дочка диктатора", вы сказали? Я был уверен, что, снимая с себя тот дрянной амулет, вы расстались и с этими дрянными словечками. Ай-яй-яй.

— Но я не говорил "диктатора"! — возмутился Филипп.

— Неужели? Откуда ж до меня долетело?

— Да вам посыпалось, уверяю вас! "Инициатор" — это я сказал, да. Я вообще избегаю, знаете, острой политической терминологии!

— Да? Ну пардон, пардон. А это еще зачем?

В зал вливалась старуха лет под девяносто, негнущаяся, со слепым выражением голубиных фаянсовых глаз, в комсатом облаке седины. Она прижимала к себе яркую коробку с леденцами.

Вашего Гуго здесь нет, госпожа Изабелла! — обратился к ней Вич громко.

— Так везде говорят. А где он?

— Понятия не имею. Здесь он не проходил даже.

Помолчали.

— Я заснула в оранжевые, это опасно. Никогда не спите среди цветов. У меня такое чувство, что и Гуго мог там задремать. И что тогда?

— Надо сказать садовнику, пусть поищет.

— Да, правильно. Пусть поищет, а я побуду здесь немножко.

Она сама нащупала свободное кресло и уселась, и достала из коробки леденец. Вич сокрушенно и досадливо оглянулся на Филиппа.

— Но ему же надо сказать? Садовнику?

— Громко?

— Нет, я не злосю уже, мне в такой день грешно! — и девочка запела:

Падре, я скажу вам все, как было...

Падре, я учителя любила...

Вержили встал и бдително уставился на дверь — за несколько секунд до того, как с той стороны постучали.

— Ну, кто еще?

— Это я, необычайная, всего лишь я, — в зеркале отразился Вич. И отступил, словно громом пораженный. — Мой Бог, брависсимо! Колдунья... Наш мини-Шекспир — вот увидите! — получит нокаут уже в первом раунде!

— Слушайте, майор Вич! — резко обернулась к нему девочка и нехорошо оскалилась. — Ну вот ничего же вы не смыслите в театре! Откуда вам знать, кто "мини" там, а кто "макси"?

— Молчу, молчу! Он титан. Гений!

— Нет, и этого от вас не требуется. Вот я же не лезу в ваш спорт и в вашу политику! Зачем вы оставили его? С кем?

— Ваша бабуля развлекает его.

— Что? Вы издеваетесь или как?

— Бабуля, как известно, неуправляема. Пришла и села. Так что я за вами, — других авторитетов для нее нет. Они сейчас игнорит в "коротенькие слова" с вашим сказочником?

— В какие еще... коротенькие?! О, Боже, Вержили, за мной!

напомнил он.

— Он сам знает. Он очень сведущий человек. Ему даже присылают семена из Голландии, — проскрипела старуха и, кажется, "отключилась".

Вич объяснил ее Филиппу так:

— Мать так называемого "диктатора". Сама доброта.

— Верю. Но я не произносил этих слов! Странно.

— Значит, я от нее заразился галлюцинациями, от госпожи Изабеллы! Или снял это не сказанное словечко с кончика вашего языка, это мы тоже умеем, ха-ха. Вот вы сказали: "Не люблю острой политической терминологии". А я — люблю? Но без нее мы аморфны и никчемные в такое жесткое время. По-моему, это те же дорожные знаки: избежать их можно, только не выходя из дому.

— Гуго не приходил? — спросила бабушка.

— Нет-нет, моя ласковая, отдыхайте.

— Мы там играли в слова с мальчиком садовника, — сообщила она, не подозревая, конечно, что здесь идет тоже игра в слова, но не забывая ничуть и опасаясь.

В коротенькие, на последнюю букву и чтобы только про еду. Я сказала "кокс", а мальчик — "сыр". Тогда Гуго говорит "ром". А дальше я плохо придумала, не такое коротенькое: "маслина". И они меня исключили. А я больше не знала. Ума не приложу? — "Мандарины"? Нет. Ума не приложу? — Восемьдесят восемь лет, — счел нужным объяснить Вич.

— Может быть, "мед", сеньора? Или "мак"? — предложил Филипп.

Вич был восхищен:

— Браво! Вы в своей компании!

— Спасибо, чудесно, — у бабушки Изабеллы отчего-то потекла слеза. — "Мед" и "мак"! Только не забыть, пока Гуго там ходит... неизвестно где... Очень большое помещение... Вы правы: "мед" или "мак", "мед" и "мак". Как я не догадалась?

8.

С обожанием глядел на девочку еще один принадлежащий ей зверь — мощный дог мраморной черно-белой масти, его звали Вержили. Сама девочка придирчиво рассматривала себя в зеркалах, между тем как Кармела завершала работу с ее прической.

Но полно, девочка ли это? Это принцесса! На ней было вечернее платье, наверняка сделанное одной из самых почтенных фирм континента. И наверняка в одном экземпляре! Знаток понял бы сразу: кураторе и портнихе отнеслись к этому каливернийскому заказу в духе чрезвычайной ответственности; к счастью, она не скопала их фантазию. Президент, будь он даже капризнейшим сутягой, расплылся в довольстве! Жаловаться не на что: платье выглядело достойным обрамлением юной прелести его дочурки, его единственной и не-наглядной.

Принцесса сказала довольно сурово:

— Вот есть выражение: "на волоске держится". Это про тебя!

— Почему? — не столько языком, сколько бровями спросила Кармела: во рту у нее была заколка с бриллиантом.

— Ты держишься на моих волосах. Только! Если б не эти твои способности парикмахерские, — ты пала бы коз за тысячу миль отсюда! В таком особом месте — уж я постаралась бы! — где молодыми козлами в брюках и не пахнет!

Кармела промолчала, лицо ее осталось невозмутимым.

— Ладно, я не злосю уже, мне в такой день грешно! — и девочка запела: